

Десять лет он знал только, что родился в степи, вырос в степи и должен умереть за горы и реки Лянъяня, но внезапно в этот момент в его сердце отозвалось пустым эхом.

Он уже давно не знал, как жить для себя самого.

Не успел оглянуться, как наступил ноябрь. Во дворце уже начали готовиться к концу года, и Сяо Цинму стал заходить туда чаще. Он часто бывал во дворце супруги Шунь, и с приходом зимы казалось, что и та малая жизненная сила, что была у супруги Шунь, медленно угасает, словно цветок, не способный пережить суровую зиму.

В этот день, войдя в дворец Циншунь, Сяо Цинму увидел, как супруга Шунь сидит, прислонившись к окну, и вышивает. Он подошел, прикрыл окно и сказал:

— Ветер поднялся, Ваше Высочество, берегите себя, не простудитесь.

Супруга Шунь подняла на него взгляд, слабо улыбнувшись:

— Цижунь пришел, садись. Я целыми днями без дела, просто посижу здесь немного, ничего страшного.

Сяо Цинму взглянул на то, что она держала в руках, и спросил:

— Ваше Высочество, вы все еще вышиваете это?

Руки супруги Шунь на мгновение остановились, затем она снова медленно и аккуратно продолжила двигать иглой:

— От прежних вещей почти ничего не осталось, что можно починить, то чиню. Все же это память.

В ее руках была одежда, которую носила супруга Цзин в девичестве, на ней была вышита феникс — священная птица Тугуси. Но со временем нитки выцвели, и супруга Шунь часто доставала ее, чтобы вышить заново, словно старая одежда не стареет, а старые друзья все еще здесь.

Сяо Цинму посмотрел некоторое время, затем сказал:

— Ваше Высочество, не напрягайте глаза. Если бы моя матушка узнала, она бы тоже посоветовала вам беречь себя.

Супруга Шунь улыбнулась:

— Пусть она придет и скажет мне это сама. Я болею уже давно, а она ни разу не пришла ко мне во сне, чтобы спросить пару слов. Что ж, и в те дни, когда она смеялась и шутила, она тоже ни о чем не заботилась.

Супруга Шунь снова посмотрела на него несколько раз и с улыбкой сказала:

— Черты Цижуня все больше напоминают Саю. Ее глаза особенно красивы, тебе повезло с ними.

Только когда она говорила о супруге Цзин, она словно оживала, как сухое дерево, встретившее весну. Та безразличная, безучастная манера поведения слегка отступала.

Супруга Шунь часто вспоминала дела давно минувших дней: как Сая учила ее натягивать легкий лук, но случайно разбила стеклянное окно в другом дворце; как она учила Саю рисовать маленькие мостики и арочные проходы из голубого камня в Цзяннани Великой Ци, а Сая рисовала для нее высокие горы, крутые хребты и стада овец Тугуси.

Возможно, она рассказывала это Сяо Цинму, а возможно, говорила сама с собой. Было ли у ее слов слушатель или нет — для нее это не имело значения.

Сяо Цинму чаще всего приходил во дворец Циншунь, чтобы просто посидеть, выслушать ее несколько слов, позволить ей, глядя на его глаза, вспомнить ушедших. Кроме этого, ничто больше не могло тронуть ее сердце или вызвать улыбку.

Долгие годы в глубинах дворца... Он и Сяо Минло к настоящему моменту стали не утешением, а скорее самым неприятным шрамом на их вынужденной жизни.

В прошлом, когда люди были вместе и луна была полной, они получали двойную порцию тепла и любви. Теперь, когда цинь разрушен, а нефрит разбит, даже самая горячая любовь, перенесенная на других, была стерта мучительным разделением неба и земли.

После того как луна из Тугуси погасла, прошлое тепло, попав в сегодняшние оковы, при внимательном рассмотрении превратилось в незаживающую, вечно кровоточащую рану.

Кто в этом мире будет любить рану, которая не заживает?

Когда Сяо Цинму вышел из дворца Циншунь, небо начало темнеть. Зимний закат был серым и холодным. Внутренний слуга проводил его за пределы дворцового города, и ожидавший снаружи Яньчжу подошел к нему, сказав:

— Ваше Высочество, наследный принц просил вас сегодня вечером послушать оперу в башне Ваншуй. Вы уже два месяца там не были.

Сяо Цинму спросил:

— Почему он вдруг решил пригласить меня на оперу? Разве у него недостаточно дел с князем Лян?

Яньчжу ответил:

— Ваше Высочество, сегодня вы не были на утреннем совете и не знаете, что в зале для аудиенций был настоящий переполох. Яо Чжан, похоже, запаниковал. Большая группа чиновников подала прошение о возвращении наследника наманьцев в столицу. Похоже, он действительно скоро вернется.

Сяо Цинму усмехнулся:

— Наследный принц только сейчас начал нервничать? Что он делал раньше?

Яньчжу поднял занавес кареты и спросил:

— Ваше Высочество, вы пойдете?

Сяо Цинму ответил:

— Пойду. Послушаем оперу. Скажи управляющему, чтобы поставил «Пионовую беседку».

Яньчжу кивнул и приказал кучеру тронуться от императорского города.

Внезапно изнутри кареты раздался голос Сяо Цинму, и Яньчжу снова заглянул внутрь, спросив:

— Ваше Высочество?

Сяо Цинму сказал:

— Этого парня я тоже давно не видел. Чем он занимался в последнее время?

Яньчжу ответил:

— Говорят, что он взял отпуск на пару дней. Завтра должен вернуться на службу.

— Отпуск? — Сяо Цинму усмехнулся. — Думал, он из железа, а оказывается, тоже может взять отпуск по собственному желанию.

Яньчжу добавил:

— Кстати, чайная «Баньжисянь» последние пару дней пустует. Ее уже перепродали, теперь там винный магазин. Непонятно, почему они вдруг закрылись.

Сяо Цинму потеревил кольцо лучника на пальце и спросил:

— Пустует? Это случилось за последние пару дней?

Яньчжу кивнул:

— Разведчики доложили об этом вчера. Похоже, она опустела уже несколько дней назад.

Сяо Цинму приподнял бровь, немного помолчал, затем сказал:

— Наверное, этот парень слишком быстро поднялся и привлек к себе внимание.

Яньчжу недоумевал:

— Какое это имеет отношение к «Баньжисянь»?

Сяо Цинму усмехнулся:

— Даже если он сменит фамилию, на нем все равно будет полно совпадений. А когда совпадений слишком много, это уже выглядит как заговор. Служба при государе — это как хождение по льду. Раз уж он попал в окружение императора, то каждый шаг — это тонкий лед. Стоит допустить малейшую ошибку — и разобьешься вдребезги.

Яньчжу понял:

— Для торговцев смена места — обычное дело. Просто им пришлось уехать.

Сяо Цинму, глядя на новое кольцо лучника на своей руке, сказал:

— Наверное, парень не может этого понять и будет переживать некоторое время.

Яньчжу сказал:

— Уехали — не значит, что больше никогда не увидятся.

Сяо Цинму тихо рассмеялся:

— Тогда зачем он взял отпуск? Скорее всего, его учитель все еще человек с твердым сердцем. Хочет посмотреть, сможет ли парень выжить, если отрезать ему путь к отступлению.

Яньчжу, наблюдая за его выражением лица, спросил:

— Тогда, Ваше Высочество, после оперы, может, заглянем в «Цяньлицзуй»?

Сяо Цинму стукнул его сложенным веером по голове:

— Не умничай.

Когда они прибыли в башню Ваншуй, все было как всегда. Наследный принц уже ждал в отдельном ложе. Увидев Сяо Цинму, он помахал рукой:

— Цижунь, иди сюда. Скоро начнется представление. Ты сегодня опоздал.

Сяо Цинму сел и с улыбкой сказал:

— Только что вышел из дворца Циншунь, задержался. Прошу прощения, брат.

Сяо Лицун сказал:

— Как я могу тебя винить? Я знаю, что ты всегда считаешь супругу Шунь как свою мать, это хорошо. Просто подумал, что в последнее время много событий, и ты давно не был на опере, вот и пригласил тебя развлечься.

Сяо Цинму ответил:

— Да, действительно давно не был.

Как раз в этот момент актеры вышли на сцену, и представление началось. Оба замолчали. После того как первая часть закончилась, Сяо Лицун вдруг сказал:

— В последнее время император приблизил к себе одного тысяцкого. Это тот, кого ты раньше держал при себе, да?

Сяо Цинму с улыбкой ответил:

— Я никогда никого не держал при себе, брат, ты шутишь. Тем более, это человек императора. Если такие слова услышит государь, то начнет думать лишнее.

Сяо Лицун сказал:

— Я просто так спросил. Просто государь редко берет к себе новых людей, вот я и подумал...

Сяо Цинму усмехнулся:

— Брат, ты спрашиваешь не того. Я не могу влиять на людей вокруг государя.

Сяо Лицун с улыбкой скрыл свои мысли:

— Просто так спросил, Цижунь, не принимай близко к сердцу.

Сяо Цинму только улыбался и спросил:

— Эту оперу давно не слышал. Тебе нравится?

Мысли Сяо Лицуна были далеко от оперы, и он лишь вежливо отшутился.

Когда представление закончилось, они попрощались, и Сяо Цинму, выйдя, медленно стер улыбку с лица. Яньчжу, увидев, что он сел в карету и выглядел недовольным, спросил:

— Ваше Высочество, что случилось? Вы выглядите расстроенным. Наследный принц что-то сказал?

Сяо Цинму усмехнулся:

— Он думает, что этот парень — мой человек. Постоянно строит догадки. Все, что хоть как-то связано со мной, он хочет использовать.

Яньчжу сказал:

— Тысяцкий Лу служит при императоре, у него нет своей партии. Сейчас многие, вероятно, положили на него глаз.

Сяо Цинму фыркнул:

— Наследный престол строит планы на ребенка. Какой стыд.

Яньчжу тихо кашлянул, ничего не сказав.

Сяо Цинму спросил:

— Ты что кашляешь?

Яньчжу ответил:

— Ваше Высочество, мы скоро будем у переулка Гуцю. Зайдем в «Цяньлицзуй»?

Сяо Цинму швырнул веер ему в голову, раздраженно сказав:

— Не пойду.

Лу Цяньтан вернулся в «Цяньлицзуй» в подавленном состоянии. Он не мог понять и не хотел думать, поэтому просто взял двухдневный отпуск и провел оба дня, сидя в углу и полируя свою саблю Лансин. Неизвестно, хотел ли он найти ответы на ее лезвии.

Чжао Цзин, получив повышение до сотника, стал меньше заниматься мелкими делами и чаще заглядывал в «Цяньлицзуй». Видя, что Лу Цяньтан выглядит подавленным, он нанял нового повара, чтобы готовить для него блюда из Юньюя.

— энурез — медицинский термин, означающий ночное недержание мочи. В данном контексте используется в переносном смысле как шутивное предостережение.